

Павел Куприянов, Людмила Садовникова

Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья)

Соединение в одном исследовательском поле таких разных концептов, как память и пространство (происходящее в разных областях гуманитарного знания), в известной степени обусловлено специфическими особенностями современной культурной ситуации. В частности, изменением динамики окружающей среды, которая подвергается все более частым трансформациям. Стремительные трансформации освоенного пространства, исчезновение привычного ландшафта и формирование нового окружения обостряют чувство времени у наблюдателя. То, что еще вчера было *настоящим* и представляло собой элемент актуальной реальности, сегодня оказывается *прошлым*, относящимся к истории, подлежащим забвению или, напротив, воспоминанию. Тема памяти, таким образом, оказывается тесно связана с вопросами сохранения (или восстановления) исчезающей (или уже исчезнувшей) реальности.

В данной статье рассматриваются разные аспекты взаимодействия памяти и пространства. Основное внимание сосредоточено на том, как воспринимается и используется пространство, как изменяются его культурные смыслы, как создается и функционирует образ пространства в памяти жителей, как пространство пробуждает воспоминания, а память конструирует ландшафт.

Павел Сергеевич Куприянов
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва
bruho2@yandex.ru

**Людмила Владиславовна
Садовникова**
Государственный исторический
музей, филиал «Палаты
в Зарядье», Москва
l-olvia@mail.ru

Объектом исследования стало московское Зарядье — небольшой район в самом центре города, расположенный к востоку от Кремля и ограниченный на западе Китайгородским проездом, на севере — улицей Варваркой, а на юге — Москворецкой набережной. В настоящее время эта территория представляет собой фактически рекреационно-заповедную зону. Значительную ее часть занимают остатки гостиницы «Россия» (работы по разбору здания приостановлены на последнем этапе). Кроме того здесь находятся несколько офисов и кафе, а также ряд архитектурных и исторических памятников (культовые и гражданские сооружения XVI–XIX вв.), в двух из которых расположены исторические музеи. Жилых домов в Зарядье нет. Между тем еще пятьдесят лет назад этот район отличался чрезвычайно тесной застройкой и высокой плотностью населения. Здесь находились две школы, керосиновая лавка, скорнячные мастерские, прачечная, отделение милиции, несколько мелких предприятий и организаций, клуб, продуктовые магазины и т.д. В первой половине XX в. здесь сформировалось своеобразное, во многом уникальное жилое пространство, специфика которого определялась прежде всего его центральным местоположением.

В 1930-е гг. часть зданий в Зарядье была разрушена, однако общий облик района существенно не поменялся. Главные изменения произошли позже, когда в 1950–1960-х гг. здесь была снесена большая часть построек и на их месте возведена гостиница «Россия». От старой застройки сохранилось лишь несколько памятников, расположенных в основном по улице Варварке (тогда — улица Разина), и фрагмент Китайгородской стены. Строительство гостиницы (вызвавшее в свое время целый ряд критических откликов) существенно изменило архитектурный облик столичного центра и стало важной вехой в истории самого Зарядья: впервые за несколько столетий оно перестало быть жилым районом. Жители были расселены по окраинам (где вместо коммунальных комнат получили отдельные квартиры), сохранив лишь воспоминания о прежнем месте жительства. Сегодня изучение этого несуществующего жилого *пространства* (по необходимости носящее ретроспективный характер) требует обращения к *памяти* очевидцев.

Следует отметить, что в основе настоящего исследования лежит антропологический подход к анализу пространства [Тишков 2003: 289–290], предполагающий совокупное изучение трех элементов: физической реальности, представлений о ней и связанной с ней практики; *физическое* (объективное) пространство дополняется пространством *понимаемым и проживаемым* [Пространство 2002: 33]. Очевидно, что при таком под-

ходе особое значение имеют сведения о личной истории жителей Зарядья, их жизни в этом районе и его субъективном восприятии, что и заставляет обращаться к устным источникам. Таким образом, основным методом исследования становится интервью, позволяющее собрать необходимый (и часто уникальный) материал и в первую очередь зафиксировать личный опыт субъективного восприятия и освоения данного пространства в повседневной жизни.

Среди информантов — люди, жившие непосредственно в самом Зарядье и поблизости от него (на противоположной стороне Варварки или на соседней Солянке), те, чья работа была связана с этим районом, и те, кто по той или иной причине бывал здесь довольно часто — иначе говоря, все, для кого Зарядье в том или ином виде было *элементом повседневности*. Как правило, это люди от 1920 до 1945 г.р. Интервью носит полуструктурированный характер и проводится по программе, включающей вопросы по нескольким темам: инфраструктура района, повседневные практики, локальное самосознание местных жителей, исторические представления и др. Особое внимание уделяется изучению жизни в центре как феномену городской столичной культуры. Запись интервью производится, как правило, в музее «Палаты бояр Романовых», в исключительных случаях — дома у информанта.

Пространственный акцент исследования обуславливает широкое применение визуальных методов: во-первых, интервью записывается на видеопленку, во-вторых, в исследование активно вовлекается разнообразный визуальный материал, фиксируются комментарии информантов к имеющимся планам, фотографиям района, художественным изображениям и кинохронике. Наконец, наряду с традиционной стационарной беседой важным элементом исследования является импровизированная прогулка по Зарядью, во время которой информант выступает в роли экскурсовода, не только рассказывающего, но и показывающего изучаемое пространство.

Применение подобных методов обусловлено также и закономерностями формирования и функционирования человеческой памяти: их изучение показало, что большую роль в процессе воспоминания играют всевозможные «поисковые сигналы» [Садмен и др. 2003: 175–183]. В нашем случае их источником является используемая визуальная информация. Старые фотографии и планы Зарядья содержат многочисленные «намёки» и «подсказки», с помощью которых бывшие жители района восстанавливают в памяти, казалось бы, давно «забытые» факты, причем происходит реконструкция не только более или менее существенных деталей, но и целых сюжетов.

В полной мере это относится и к работе «на местности». Конечно, непосредственное восприятие современного Зарядья местным жителем требует отдельного анализа, поскольку представляет собой сложный когнитивный процесс, включающий поиск знакомых ориентиров, реконструкцию исчезнувших элементов, сопоставление «старого» и «нового» пространства, оценку произошедших изменений и ряд других операций. Однако очевидно, что само пребывание на территории, о которой идет речь в интервью, оказывает активное стимулирующее воздействие на память информанта уже в силу того, что *вспоминание*, извлечение информации из памяти, происходит в том самом месте, где в свое время происходил и процесс ее формирования¹. Так или иначе, здесь, как и при демонстрации фотографий, планов, кинохроники и т.п., воспринимаемый информантами визуальный материал становится мощным стимулом, активизирующим процесс воспоминания, что позволяет существенно увеличить объем получаемой информации².

Методически значимым для данного исследования является учет диалогической природы интервью [Воронина, Утехин 2006: 232], рассматриваемого как процесс социального взаимодействия между интервьюером и информантом. Важное следствие такого подхода — внимание к коммуникативным аспектам исследования, признание *контекстуальности* сообщаемой информации, «введение» самого собирателя в исследовательское «поле» [Форум 2005: 8–134].

Следуя этим принципам, обратимся к личному воспоминанию, непосредственно связанному с темой статьи.

Примерно двадцать лет назад один из авторов этих строк (тогда еще ученик старших классов школы) поздним весенним вечером оказался вместе со своим приятелем в районе улицы Варварки. Очевидно, находясь под впечатлением от только что увиденного спектакля, или очарованный зрелищем вечерней Москвы, а может быть, просто пребывая в возвышенном состоянии духа, он обратился к своему товарищу со словами: «Вот бы оказаться здесь в веке эдак шестнадцатом!» Товарищ, погруженный в свои мысли и раздраженный излишней сентиментальностью, отреагировал тогда довольно резко: «Живи в двадцатом!» Впоследствии, однако, и он признал, что иногда в голову приходят такие «ро-

¹ О зависимости «вспоминаемой» информации от места проведения интервью см.: [Barker 1994: 152].

² Подробнее о визуальных методах в настоящем исследовании см.: [Садовникова, Куприянов 2006б].

мантические глупости» и почти всегда это связано с особенностями *места*, прежде всего его историческим обликом.

Место, ставшее свидетелем того приятельского разговора, несомненно, обладало такими особенностями. Внешний облик Зарядья и Варварки, как двадцать лет назад, так и сейчас, после разбора гостиницы, не оставляет никаких сомнений в историчности этого района. Руководитель реставрационных работ, автор альбома «Московское Зарядье» И.И. Казакевич так описывает результаты труда реставраторов: *В самом центре столицы восстановлен замечательный комплекс памятников русского зодчества, являющийся своего рода энциклопедией архитектуры от белокаменных подклетов XV–XVI вв. Английского двора и палат бояр Романовых до памятников архитектуры эпохи классицизма. Это музей-заповедник на открытом воздухе, где памятники древнего зодчества напоминают о средневековой Москве* [Казакевич 1977: 40].

Именно образ «музея-заповедника на открытом воздухе» является сегодня общепринятым образом Зарядья¹. Благодаря обилию «памятников древнего зодчества» он становится в буквальном смысле *местом памяти*², всем своим видом *напоминающим* о средневековой Москве. Именно в этом качестве Зарядье фигурирует в многочисленных туристических путеводителях и другой краеведческой литературе. Характерный пример — книга Ю.Н. Александрова «Москва заповедная» [Александров 1991], в которой Зарядье присутствует не только в самом тексте, но и на обложке. Последнее обстоятельство представляется вполне закономерным, поскольку Зарядье, действительно, является образцом заповедной зоны, ведь здесь, в отличие от других подобных уголков Москвы, совсем нет жилых домов. Это почти *исключительно* историческое пространство. По крайней мере, именно таким оно предстает на страницах школьных учебников, популярных книг и статей, в изображениях на разнообразной канцелярской и туристической продукции, а также в сети Интернет. Можно предположить, что в наибольшей степени такое восприятие этого района присуще сотрудникам местных исторических музеев («Старый Английский двор» и «Палаты бояр Романовых»), к каковым относятся и авторы статьи. В известной степени это повлияло

¹ Порой он понимается в буквальном смысле, очевидно, по аналогии с музеями-заповедниками деревянного зодчества. Нам приходилось слышать, как один из городских экскурсоводов рассказывал, что сюда, в Зарядье, специально привезли храмы из разных частей России, чтобы в одном месте продемонстрировать богатство и разнообразие древнерусской архитектуры.

² В данном случае словосочетание «место памяти» (в отличие от выражения «музей-заповедник») используется в буквальном смысле, а не в качестве специального термина, введенного П. Нора [Нора 1999: 17–147].

на первоначальную формулировку исследовательского вопроса. Обученные и привыкшие воспринимать Зарядье прежде всего как «древнейший район Москвы», мы в ходе исследования стремились выяснить, как полвека назад люди жили в таком историческом пространстве.

К нашему удивлению, довольно скоро выяснилось, что бывшие обитатели Зарядья *не жили* в историческом пространстве, пространство их жизни не было историческим. Об этом они единодушно и уверенно говорят во время интервью, утверждая, что к истории у них «никакого особенного интереса не было» (ЗНК 4):

Соб.: *Вы знали, что это древняя такая территория, историческая, или это как-то особенно не [интересовало]?*

Инф. 1: *Это как-то все проходило мимо (СВП 12).*

Инф. 2: *Такого, чтоб... интересовались, чтобы... — этого не было, конечно (ЗНК+ПВВ 4).*

Инф. 3: *Ну живем и живем, ну вот, мы здесь живем и все, здесь мой дом...*

Соб.: *И то, что это исторический центр, какие-то [такие вещи не интересовали]?*

Инф. 3: *Меня тогда ни история, ни архитектура... в детстве совершенно не интересовали (КАН 18)¹.*

Эта неожиданная для исследователей декларация подтверждается и конкретными рассказами. Судя по воспоминаниям бывших жителей Зарядья, в повседневных практиках все те элементы ландшафта, которые сегодня входят в арсенал исторического образа района, тогда никак с историей не связывались:

Инф. 1: *А вот эта вот церковь, которая, вот, на углу гостиницы «Россия», на набережной: что она из себя представляла? — Груда большая осыпавшихся кирпичей!.. Нам ничего не стоило туда пойти, там полгорсти монет набрать старинных... Или на Китайской стене...*

Инф. 2: *Вась, а костей, помнишь, сколько находили там?*

¹ При цитировании материалов интервью речь информанта и собирателя приводится курсивом, пояснения в квадратных скобках принадлежат авторам статьи, многоточия обозначают речевые паузы, многоточия в угловых скобках — искусственные лакуны, в круглых скобках указываются инициалы информантов и архивный номер видеокассеты. Материалы интервью хранятся в архиве авторов.

Инф. 1: *Да... костей... костей... А монет вот этих... Мы их... ну, не считали ни за что! И вот на этой груди осыпавшихся камней вместо этой церкви — Ну, ее отреставрировали, она сейчас красивая и все... — там, раз, монет наберешь, сколько тебе нужно — в расхише играли...* (ЗНК+ПВВ 3).

Заметим, что в этом небольшом отрывке фигурируют сразу несколько традиционных атрибутов исторического ландшафта: церковь, средневековая городская стена и старинные монеты. Однако в рассказе информанта ни один из них не выполняет эту свою функцию. Оказывается, что и развалины церкви, и Китайгородская стена (казалось бы, обладающие колоссальным историческим «ресурсом») используются в сугубо практических целях — как источник монет, которые, в свою очередь, также представляют интерес лишь как игральные фишки, но не как археологические артефакты.

Почему так происходит? Почему, живя в старинных зданиях или рядом с ними, на территории старейшего московского района, в непосредственной близости от Кремля, люди никак не осознают столь очевидного сегодня исторического статуса этого пространства? В чем причина такой «исторической слепоты»?

В приведенном фрагменте игнорирование истории проявляется, во-первых, в том, что церковь *не опознается* как древняя постройка, а во-вторых, в том, что старинные монеты *не используются* как исторические предметы. Таким образом, можно говорить о двух аспектах проблемы: визуальном (связанным с восприятием пространства) и практическом (проявляющимся в его использовании). При том что два эти аспекта тесно взаимосвязаны, имеет смысл рассмотреть их по отдельности.

Визуальная составляющая играет ключевую роль в восприятии современного Зарядья. Сегодняшний исторический статус района в первую очередь определяется именно его визуальным образом. Опорными точками этого образа являются архитектурные памятники (церкви, колокольни и палаты) по улице Варварке, церковь Зачатия Анны на Москворецкой набережной и Китайгородская стена в одноименном проезде. Это те визуальные доминанты, которые выступают в качестве знаковых элементов местного ландшафта, сообщающих ему актуальное историко-мемориальное значение.

Между тем в середине XX в. внешний облик Зарядья был совсем иным. Перечисленные постройки не могли выполнять подобных знаковых функций хотя бы потому, что не занимали

доминирующих позиций в образе района, а воспринимались как части рядовой застройки. Более того, некоторые из них были просто *не видны*.

Наиболее известный пример — Старый Английский двор — постройка конца XV—XVI вв., которая была встроена в более позднее здание и целиком закрывалась последним. Она была обнаружена П.Д. Барановским и благодаря его усилиям сохранена как памятник архитектуры. Естественно, информанты, не знакомые с историей его обнаружения и расчистки, говорят, что этого здания «не было»:

Вот этого никакого не было, Английского двора... его в помине не было, здесь был этот дом <...> А вот этого — не было. Может быть, он был надстроен, там... или еще что такое... (ПВВ 4).

Соб.: *А вот Английский двор: как вот он тогда выглядел?*

Инф.: *А его не было вообще. Я же говорю, что на его месте был дом жилой... Прямо вплотную к ограде вот этого крыльца стоял огромный шестиэтажный жилой дом.*

Соб.: *А как он [Английский двор] потом появился?*

Инф.: *А его просто-напросто построили по чертежам (СЮИ 15).*

А на месте Английского двора там все было застроено. Там был детский сад внутри двора. И никто и понятия не имел, что это Английский двор. Потому что... так же, как вот сейчас застроены все вот эти ваши... братские, как они там называют... [Братский корпус Знаменского монастыря] Все они были тоже: ... четырехэтажные дома стояли, кирпичные! (ВДИ 10).

У Братского корпуса Знаменского монастыря схожая судьба: он также в свое время оказался в составе позднего здания, в котором одно время размещались не только жилые помещения, но и начальная школа. В ходе реконструкции поздняя постройка была разобрана, оставлены древнейшие части и реконструирована верхняя часть дома. В результате на месте трехэтажного жилого здания появилась одноэтажная «древнерусская» постройка. Столь разительная перемена заставляет подозревать, что этот дом «*появился здесь... не знаю... уже недавно*» (МНЗ 286). Бывшие жители Зарядья, обнаруживая на знакомой территории *новые старинные* здания, находят этому странному факту логичное объяснение:

Вот: это все новоделы! <...> На освободившихся участках были построены вот эти вот дома-новоделы по чертежам, скорее всего, прошлых времен (ФФА 2).

История Английского двора и Братского корпуса во многом уникальна и своеобразна, но в то же время и довольно типична для памятников Зарядья. Конечно, не все они находились в составе более поздних строений, но многие из них были в той или иной степени застроены (а следовательно, и *закрыты, загорожены*) соседними сооружениями, что не могло не отразиться на их восприятии. Нельзя также забывать и о том, что старинные постройки (тогда еще не имевшие статус историко-архитектурных памятников) не обладали особенно запоминающимся внешним обликом и мало отличались от окружающих строений. Так или иначе, их внешний вид был иным, нежели в настоящее время, и эта разница почти всегда отмечается информантами.

Соб.: *А облик здания другой был?*

Инф.: *Абсолютно!*

Соб.: *Вот вы говорите, что оно не было таким красным, а какого цвета было?*

Инф.: *Ну, из красного кирпича просто, и не выделялось это все так белым. Конечно, не были эти купола раскрашены... Они похожи, но вот... они... звездочек этих не было (ШВМ 19).*

Соб.: *А эта стена была?*

Инф.: *Эта стена была, но... да тоже она... тут, конечно, отреставрирована; она не в таком виде была.*

Соб.: *А в каком?*

Инф.: *Ну, мне так трудно сказать... Где-то до половины, наверное [высоты], вот так вот (ДГГ 34).*

Соб.: *А Китайгородская стена, Вы на нее залезали, там сверху ходили по ней? Или внизу, в нишах?*

Инф.: *Да... в нишах... там вот. Да чего-то особенно нас туда и не... [тянуло] Там грязь была всегда страшнейшая, ничего там особенного... Это сейчас чуть-чуть подреставрировали, подкрасили... (ВДИ 10).*

Эта разница чаще всего не просто констатируется, а получает оценку, которая может быть довольно эмоциональной («да все ужасно выглядело!» (ДГГ 32)), что позволяет еще сильнее акцентировать различия между прежним и нынешним состоянием:

Инф.: *А вот эта церковь, которая была превращена фактически просто в туалет, в туалет и так далее...*

Соб.: *Как она называлась?*

Инф.: *Знала бы я!.. Какая-то развалюха вонючая! (КАН 17).*

В данном случае экспрессивная характеристика с использованием подчеркнуто заниженной лексики (заметно выбивающейся из общего строя речи информанта) указывает на несоответствие актуального состояния и функции здания его истинному предназначению и должному облику. Другие высказывания менее выразительны, но также вполне определены в оценке: как правило, отмечается «обшарпанное» и ветхое состояние памятников пятьдесят лет назад:

У всех храмов — обветшалый [вид]. Ничего приличного в Зарядье [не было] (ДГГ 34).

Соб.: *А она [колокольня Знаменского монастыря] как выглядела?*

Инф. 1: *Ну, уж во всяком случае, без верха: без... без вот этого шпиля и без этого креста — это точно... Ну вообще она очень тоже обшарпанная была и неприглядная* (МНЗ 286).

Инф. 2: *Она была совершенно обшарпанная. Вот я на нее сейчас посмотрела, думаю: такая она большая, красивая, а тогда какое-то было обшарпанное здание... Даже не приходило в голову, скажу вам честно, что это колокольня* (БИФ 46).

В последнем случае «обшарпанность» в представлении автора высказывания несовместима с обликом колокольни. То же самое касается и других памятников: их невозможно узнать из-за «неправильного» внешнего вида:

А так, в принципе, даже особенно и не видно было, что это вот, там, колокольня или еще что-то такое. Потому что — жилое все, оно не было так вот раскрашено, все жилое (СВГ 8).

Соб.: *А эта церковь [Св. Максима] как выглядела?*

<...>

Инф.: *Ну, она даже вообще церковью не была. Особенно с той стороны: все эти купола сняли — и все! И жилой дом!*

<...>

Соб.: *Ну то есть, в принципе, ни одна из этих церквей не была, по сути, церковью, да?*

Инф.: *Ну вот... ну вот эти, которые имеют колокольни, они — хоть видно, что это... не что-нибудь другое, а эти — даже нет, незаметны были* (МНЗ 286).

Из приведенных цитат видно, что в качестве внешних, видимых признаков церковной постройки помимо традиционных крестов могут выступать также купола, колокольня поблизости

и «приглядная» раскраска — их отсутствие существенно затрудняет идентификацию здания. Во многом это объясняется невозможностью чисто визуально вычленив памятник из остальной застройки:

[Здание палат Романовых] смазывалось в общей серости всех зданий, потому что, хоть даже если где-то и было... нормально, скажем, покрашено, то это было покрашено всегда в один тон, это... были окна заделаны фанерой... (ДГГ 34).

В результате здание становится незаметным, не распознается как отдельная постройка и не включается в этот качестве в общий образ района¹.

У меня такое впечатление, что вот эта церковь [Св. Максима] стояла на самом краю. А когда эту [трапезную] построили... или ее восстановили, или что... я даже не знаю. Как-то я ее не замечала (МНЗ 286).

Соб.: *А что было в церкви, которая, вот, Анны, что в Углу?*

Инф.: *Не знаю. Ничего, по-моему, там не было. Я ее и увидел только тогда, когда ее отреставрировали и построили гостиницу «Россия». Я и о ее существовании не знал... (ВДИ 10).*

Это неожиданное обнаружение церкви после постройки гостиницы представляется вполне закономерным. Дело в том, что во время масштабного преобразования Зарядья в 1960-е гг. произошло своего рода проявление истории в архитектуре: то, что раньше было скрыто, теперь стало явно, то, что раньше сливалось с окружением и не выделялось глазом, теперь было акцентировано².

В результате раскрытия и реконструкции застроенных и полуразрушенных зданий облик Зарядья заметно поменялся. Теперь он определялся двумя составляющими: с одной стороны, крупным зданием гостиничного комплекса «Россия», а с другой — целым рядом архитектурных памятников. Гостиница, безусловно, контрастировала с ними, но в то же время представляла собой выгодный фон для этих ярких и разнообразных построек, неизменно привлекавших взгляд наблюдателя и недвусмысленно указывавших на древность и историчность этого места.

¹ В связи с этим показательна неосведомленность многих бывших жителей относительно «названий» (посвящения) храмов: отсутствие имени здесь указывает на отсутствие самого объекта в мыслимом ландшафте.

² Попутно заметим, что в краеведческом дискурсе гостинице «Россия» традиционно приписывается противоположная роль: она выступает в качестве визуального препятствия для восприятия исторического ландшафта, она закрывает собой виды на московские достопримечательности (Кремль, Замоскворечье, Варварку). В нашем случае ситуация иная: памятники Зарядья, как ни парадоксально, становятся видны именно благодаря строительству гостиницы.

Приведенные выше фрагменты интервью позволяют сделать еще одно немаловажное наблюдение: внешний облик здания мыслится вместе с его функциональным предназначением. Изменение внешнего вида предполагает и соответствующее изменение функции постройки: «купола сняли — и все! И жилой дом!» (МНЗ 286). Облик здания и его предназначение оказываются неотделимы друг от друга (условно говоря, склад должен быть «обшарпанным», а церковь — «раскрашенной»), поэтому в обыденной речи одно может использоваться для обозначения другого: «потому что — жилое все, оно не было так вот раскрашено, все жилое» (СВГ 8). Здесь указание на жилой статус постройки считается достаточным, чтобы собеседник составил себе представление о том, как она выглядела.

Утверждение о тесной связи между физическими и практическими параметрами представляется справедливым не только по отношению к зданиям, но и вообще всяким элементам ландшафта, наделенным более или менее устойчивыми функциями. Образ места определяется не только тем, как оно *выглядит*, но и тем, как его *используют*. Использование является столь же важной характеристикой локуса, как и внешний облик, и, следовательно, так же влияет на его восприятие, т.е. участвует в производстве смыслов местного ландшафта.

Интересующие нас здания Зарядья, судя по воспоминаниям бывших жителей, использовались в основном под жилые, хозяйственные, административные и другие нужды:

А домоуправление, я вам сейчас скажу — вспомнила! — находилось в этой в церкви, в этой колокольне, на первом этаже. Вы знаете, там идешь, поднимаешься по ступеням, сначала было домоуправление, а потом три семьи жили наверху (БАВ 41).

Здесь располагалось домоуправление с одной стороны, а с другой — как склад использовалось под знамена, под разные реквизиты для демонстрации <...> Вот там, где вот маленькие окошечки, там была бухгалтерия (ШВМ 19).

Кстати сказать, вот в этой церкви Максима в нашу бытность была какая-то зеркальная мастерская... <...> А что касается той стороны <...> там тоже, между прочим... там была... библиотека иностранная... [Библиотека иностранной литературы] (ВДИ 9).

Вот церковь Варвары, да. Там была поликлиника Министерства обороны, моя мать там лечилась (ПВВ 4).

Продолжение жилого дома, вот этот Братский корпус — и там была наша школа... (СВГ 8).

Вот как от метро идешь вот эта вот церквушечка на углу, да, с правой стороны — вот там был детский сад (СЮИ 16).

Соб.: *А что находилось в церквях Зарядья?*

Инф.: *Чаще всего они использовались под хозяйственные нужды: склады там... (ФФА 2).*

Инф.: *Чаще всего в таких церквях были какие-то склады... (СВГ 7).*

Инф.: *Склады, голубятни, какие-то мастерские, вот такие втростепенные [вещи] (ЗНК+ПВВ 4).*

Инф.: *Там были склады... типографии... Там... чего там только не было! Но там не было ни музея, ни церкви (СЮИ 15).*

Как видим, будущие памятники Зарядья не только *выглядели иначе* (т.е. не так, как должны выглядеть памятники), но и *использовались* по-другому. Их функциональное предназначение совсем не соответствовало мемориальному статусу и не позволяло увидеть в них древние/старинные постройки. Даже в том случае, когда человек знал (или догадывался) об ином первоначальном предназначении здания, оно не вызывало никаких исторических ассоциаций и воспринималось как сугубо практический элемент повседневного пространства. И запоминалось оно тоже именно в этом качестве — благодаря каким-то обыденным обстоятельствам, мелким бытовым деталям, но никак не исторической значимости.

В принципе вход к нам был — я тоже покажу вам — был через колокольню <...> Там тоже была квартира, там тоже жили люди. Я помню очень хорошо, что меня совершенно потрясло, когда я зашла к одной из своих, там, одноклассниц, <...> я увидела вдруг <...> тут окна <...> они вот такими полукругами... над полом! Ну это же колокольня, это просто выделили там, настелили какой-то, этот самый, пол, и там вот они жили, и мне было очень странно, как это такое, вообще: чтобы посмотреть куда-то, надо было лечь почти на пол и тогда вот посмотреть в окошко (СВГ 7).

А здесь на углу стояла церквушка, махонькая церквушка... она такая захолустная была, какого-то, по-моему, Николы Мокрого, что-то вроде этого. Ее потом сломали. Почему я отлично помню [ее]: когда мы на дачу выезжали или в магазин ходили, здесь всегда лужа была огромная... рядом с этой церковью (ВДИ 9).

Итак, несмотря на чрезвычайную насыщенность старинными постройками, Зарядье 1930–1960-х гг. в восприятии местных жителей не обладало никаким специфическим мемориальным статусом. Эти постройки органично входили в окружающий ландшафт и вместе с другими его элементами формировали образ места, сообщая ему определенное значение — *жилого района*. Таким образом возникал необходимый контекст, который в значительной степени детерминировал способы освоения данного пространства, подсказывая (а иногда и навязывая) пользователю нормативные модели поведения¹. В результате этого даже наиболее специфические локусы и предметы воспринимались как элементы не исторического, а повседневного ландшафта. Иначе говоря, даже когда древность какой-то постройки (например, Китайгородской стены) или предмета (например, старинной монеты) была очевидна, она никак не актуализировалась в процессе использования. Материалы интервью содержат немало свидетельств такого «нецелевого» использования исторического пространства. Мы ограничимся тремя наиболее выразительными.

1. *Китайгородская стена*. Это мощное оборонительное сооружение, возведенное в XVI в., было физической границей Зарядья с южной и восточной стороны. К середине XX в. стена заметно вросла в землю, так что боевой ход находился на уровне второго этажа. В целом, по-видимому, к этому времени стена находилась в ветхом, а местами — аварийном состоянии (в 1951 г. часть стены обвалилась и несколько человек погибли). В зарядьевской части стены имелись две башни, Космодемьянская и Москворецкая, которые в отличие от прочих не имели шатрового верха и таким образом сохраняли средневековый облик. Однако данное обстоятельство никак не отражалось на освоении этого сооружения местными жителями.

В общем, там на ней были какие-то вот такие скосы и их можно было обкатать, можно было их в горку превратить <...> Бегали по ней, в салочки играли, всю обыгрывали, как могли... И на санках катали друг друга по этой стене... (МНЗ 27).

Вдоль набережной, я помню, мы туда в песочек ходили играть маленькими: вот проходили здесь через эти проломные ворота, и эта стена была... (ВДИ 9).

Инф.: *Из окна вылезает и на крыше этой Китайгородской стены, мы играли, то же самое. Там очень много было и голу-*

¹ О важности пространственного контекста в процессе взаимодействия человека с предметным окружением см.: [Линч 1982: 149; Каганов 1983: 7].

бей вот и, так сказать, там и яичницу жарили, и все, что хотите, делали — ну, ребята же!

Соб.: *На крыше?*

Инф.: *Это не на крыше, это на Китайской... стене. Она же, стена, там метра полтора-два шириной, там же телега [могла проехать].*

Соб.: *А на чем?*

Инф.: *Как на чем? Ну посуда же в доме есть! Находили что-то: щепочки там всякие, костерок разводили... (СЮИ 14).*

Таким образом, в детской и подростковой среде освоение этого сооружения происходило в обыденном пространстве, оно включалось в разнообразные игровые и досуговые практики¹, «обыгрывалось», по удачному выражению одного из информантов.

2. *Подземный ход.* Упоминание разветвленной сети подвалов и подземных ходов на территории Зарядья — устойчивый топос в воспоминаниях бывших жителей. Вместе с тем этот экзотический элемент ландшафта также никак не связывается с историей, а наделяется совсем другими значениями²:

Инф.: *Вот, с нашего дома, например, можно было спуститься и идти там по ходам бог знает куда. Вот. Вот. Так что по внутренней [подземной] части тоже можно было по всему Зарядью гулять. Поэтому здесь такой бандитский район был...*

Соб.: *Бандитский, да?*

Инф.: *Да, конечно! Даже Марьиная роща, как говорится, слабе... не шла в сравнение (ШВМ 19).*

Первой и основной ассоциацией с подземными ходами оказываются воровские «малины», и разбойничьи притоны, а не Средневековье, как можно было бы ожидать. Подземелья — неотъемлемая часть «бандитского» (а не древнего) Зарядья. Спуск под землю в представлении местных жителей чреват скорее встречей с уголовником, чем археологической находкой. Даже в детском сознании главным мотивом для рискованного предприятия является отнюдь не поиск древностей, а возможность опробовать новую игрушку:

Потому что мальчишки туда лазили... Я еще маленькая была, а они говорили, что там подземный ход аж даже до Кремля

¹ Живший неподалеку В.Б. Муравьев вспоминает, что на Китайгородскую стену «загорать ходили, там солнце было хорошее» [Можаяев, Михайлов 2007: 88].

² См., например: [Садовникова, Куприянов 2006а: 296–301].

<...> А потом, времена то были: конец пятидесятых, да, как раз самая мода на китайские фонарики, а как бы в быту они не применялись, и мы все время и с к а л и, к у д а б ы з а л е з т ь, чтобы посветить. Вот. Я однажды с ними полезла. А у меня такой жужжащий был [фонарик], такой вот: начинаешь нажимать и он тогда, значит, светит. Ну, сколько я могла нажимать там... ну, минут пять. Я начала хныкать, меня отправили назад. Одну! Мы, говорит, полезем, а ты, значит... Вот как раз они вылезли куда-то в колодец, я так понимаю, на улицу. Уже наверху их милиция, значит, захомутала, привела их сюда, и вроде бы они заварили вход туда дальше. Потому что вход, вот, как мне брат рассказывал, сводчатый, такой, из старого кирпича, ну, пыльно, конечно, так, но не обвалившейся, ничего, так сказать, нормально, шли во весь рост... Ну вот, видно, недалеко ушли <...> А я вылезла... ну, страшно было, но вылезла назад (СЮИ 14; здесь и далее разрядка наша. — П.К., Л.С.).

3. *Дом бояр Романовых.* Это один старейших музеев Москвы, открытый в 1859 г. по инициативе императора Александра II на месте бывшей родовой усадьбы бояр Романовых, где, согласно легенде, родился основатель царской династии Михаил Федорович. В XX в. территория музея включала обширный двор, выложенный крупными плитами, небольшой одноэтажный служебный флигель и сами палаты, реконструированные в середине XIX в. в русском стиле, в результате чего дом приобрел характерный облик старинной постройки. Несмотря на то что оба здания принадлежали музею (с 1932 г. — филиал ГИМ), часть помещений была жилой.

В воспоминаниях бывших жителей Зарядья Дом бояр Романовых фигурирует довольно часто; очевидно, он был распространенным местом проведения досуга для соседской детворы. При этом вопреки ожиданиям, наибольшей популярностью пользуются не палаты, а музейный двор; он оказывается универсальной площадкой для игр:

Двор был такой, что мы здесь играли в «классики», не расчерчивая. Вот сейчас его разрыли, он стал кривым, косым, раньше он был абсолютно ровный, со ступеньками (СЮИ 14).

А в футбол мы играли прямо так вот, вот... Да, стекла били у этих друзей, которые вот здесь жили (ВДИ 9).

А играли мы здесь, вот, на крылечке вашей кассы <...> Даже, мне кажется, с боков были такие ниши, такие каменные, вот, потому что мы и там сидели, иногда, свесив ноги на ступеньки. Это когда был дождик. Домой, естественно, никто не ходил, все под этой аркой собирались на ступеньках, мы все

<...> Ну, конечно, анекдоты никто не травил — там, какие-то страшные истории и прочее... (СЮИ 14).

Музейные здания упоминаются реже, чем двор. Служебный флигель описывается как жилой дом, населенный в разное время разными людьми:

Во всяком случае, здесь вот, в полуподвальном помещении, жили наши ребята, мы с ними в футбол играли. Ну, были два парня, братья Николай и второй... я не знаю, забыл. Муравченко, по-моему, мы их «Мурки» звали. (ВДИ 9).

И здесь, значит, жила одна большая семья татарская... Мама шила дамское белье на дому (СЮИ 14).

Сам факт, что здесь живут «наши ребята», ставил под сомнение музейный статус этого места: «Но здесь же жили люди, мы не воспринимали, что это музейный экспонат» (СЮИ 14). В самих же палатах объектом особого внимания была парадная лестница, в основании которой одно время располагались скульптуры львов:

Они скорее на кошек были похожи: какие-то такие небольшие, какие-то невзрачные. По-моему, они какие-то гипсовые были, не думаю, чтоб они были мраморные. Мы на них верхом садились, а потом они куда-то исчезли во время войны (ВДИ 9).

Вот где прямоугольники [постаменты] под льва — вот здесь была земля. Внутри этих прямоугольников. Мы с Ленкой играли в секреты, тогда было модно. Найдешь кусочек стеклышка, фольгу от конфетки, и мы туда зарывали, потому что там была земля. <...> Но львов точно не было. Вот, в наше время (СЮИ 14).

Само здание, судя по всему, вызывало гораздо меньше эмоций:

А так... музей... там чего-то хранилось. Закрыт был, там и сторож внутри был (ПВВ 4).

Мы залезали туда всеми правдами и неправдами, когда видели, что туда можно было пролезть <...> Там ничего не было, там было запустение... Там жил дворник с семьей, он мел, как говорится, улицу Разина, а само помещение — оно просто никак не использовалось; то, что там было, там все было свалено, там не было полов, настилов не было. Здание, оно только снаружи поддерживалось, архитектура какая-то сохранялась, а внутри же ничего не было <...> Оно закрывалось. Оно этим дворником и охранялось, но поскольку у нас было время туда залезть (в принципе туда никого не пускали)... (СЮИ 14).

Старинные палаты если и привлекали подростков, то не столько своей стариной, сколько заброшенностью и закрытостью. Возможность попасть в закрытый дом, миновав дворника-сторожа, воспринималась как отдельное самодостаточное приключение и не требовала никакой дополнительной мотивации.

Таким образом, освоение пространства исторического музея в повседневной жизни Зарядья происходило помимо его собственно исторического содержания, оно «обыгрывалось» так же, как и Китайгородская стена. Такое отношение к месту нашло точное отражение в устойчивом топониме, использовавшемся не одним поколением местных жителей:

Что такое «Дом бояр Романовых»? А кто такие бояре? Откуда мы знали? Нам никто не рассказывал. Поэтому она у нас среди детей, вот эта вот площадка здесь, она у нас называлась: «Пошли в Домбоярку!». Это одно слово было: Домбоярка, потому что мы никогда не влезали в сущность этого слова... И вот мы шли играть в Домбоярку... (СВГ 8).

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует о том, что «шли играть в Домбоярку» в основном дети и подростки из соседних дворов. Те же, кто жил в более отдаленных кварталах, могли вообще не знать о существовании этого места, а если и знали, то редко бывали здесь (очевидно, для них игровой потенциал этого пространства был не так очевиден). Между тем их высказывания могут быть не менее информативными:

Соб.: *А вообще, наш вот двор музея, сам музей вы помните?*

Инф.: *Нет, я туда... в то время мы не ходили. Нет, знать-то я знал... заходили, конечно, но это, просто... я уже не помню. То есть это было столь незначительно, что в то время для нас это...*

Соб.: *То есть вас вот эта часть не интересовала?*

Инф.: *Ну да, н-ну ходили же ведь сюда не... смотреть... — возраст-то у нас какой был! — не старую церковь посмотреть! Тем более тут ничего этого не было: тут ни музеев, ничего... везде тоже склады какие-то были и так далее... (ДГГ 32).*

Этот, на первый взгляд, незначительный отрывок содержит интересное рассуждение, указывающее на вполне тривиальный, но при этом весьма важный принцип пространственного поведения: оно в значительной степени определяется позици-

ей актора, его актуальными запросами. Очевидно, осмотр достопримечательностей не входил в круг первичных культурных потребностей зарядьевской детворы. По словам одной из местных жительниц, «когда я просто там жила, так меня как-то мало что... интересовало... Какие-то свои детские проблемы [были], совсем другие...» (КАН 18). Оправдывая невнимание к памятникам старины своим малым возрастом, информанты тем самым указывают на то, что «в то время», в том Зарядье («там») они занимали иную, отличную от сегодняшней позицию по отношению к окружающему пространству. Эта позиция (наиболее удачно обозначаемая как позиция Жителя) диктовала свой способ обращения с местным ландшафтом, свои механизмы восприятия и формы использования.

В связи с этим в приведенной выше цитате особенно показательны слова о том, что *сюда ходили «н е... с м о т р е т ь ... <...> не старую церковь посмотреть!»*. Это высказывание как нельзя более точно отражает ключевую особенность повседневного освоения окружающей среды: при нем *смотрение* (разглядывание, осмотр, наблюдение — как виды направленного визуального восприятия) выполняет вторичную функцию по сравнению с активной *деятельностью* (игровой, хозяйственной, производственной и т.д.). Это обстоятельство определяет и сравнительную ценность тех или иных элементов ландшафта: «Если для художественного сознания достопримечательны те объекты, которые имеют выразительный внешний вид, то для обыденного сознания — те, около которых имеется максимальный набор поведенческих возможностей» [Каганов 1983: 19]. Насыщенность же пространства поведенческими возможностями проявляется, например, в количестве *входов*, открытых для публики на улице. Заметим, что, согласно описаниям очевидцев, в 1960-е гг. улица Разина не отличалась их высокой концентрацией:

Во всяком случае [это здание, ул. Варварка, д. 14] — из очень малочисленных зданий на Варварке, где, вот, было что-то такое, куда можно было з а й т и — все остальное относилось или к военным или к ЦК; всюду все было перекрыто-закрыто... (ДГГ 34).

Возможно, из-за этого в воспоминаниях информантов сама улица описывается довольно скупо — очевидно, гораздо больший интерес (по крайней мере, у детей и подростков) вызывала строительная площадка («пустырь»), занимавшая огромную площадь в глубине района — здесь можно было взрывать пули, бросаться камнями, играть в футбол, собирать полевые цветы и осколки фарфоровой посуды и даже кататься на самодельных плотках в котловане, вырытом под фундамент высотного зда-

ния. Что же касается местных памятников, то они, за редким исключением, не обладали условиями для такой разнообразной деятельности, вследствие чего и не привлекали особенного внимания.

Таким образом, старинные здания Зарядья не только по-другому *выглядели* и иначе *использовались*, но на них еще и *не смотрели*. Во многом именно этим *невниманием* объясняются те сложности с идентификацией памятников, которые сегодня испытывают информанты, что часто проявляется в речи. Их комментарии при просмотре фотографий или во время прогулки по Зарядью зачастую содержат большую долю сомнения. Конечно, получение новой визуальной информации производит ожидаемый эффект: стимулирует воспоминания и тем самым порождает новые тексты, но в то же время люди испытывают очевидные проблемы с идентификацией наблюдаемого пространства. Соотнесение современного ландшафта с прежним становится отдельной задачей, требующей специальных усилий и не всегда удачно разрешаемой: «Здесь ничего не узнаешь, здесь правда ничего не узнаешь» (КДН 23). Подобно тому, как когда-то местные жители не видели в рядовых постройках древних церквей, так и теперь они не всегда признают в нарядных памятниках старые постройки, сомневаясь в их прежней функции и порой «путаясь в показаниях».

Возможно, это объясняется особенностями обыденного взгляда, не вычленяющего из сплошного окружающего пространства отдельные здания. Примером такого взгляда может быть восприятие улицы пешеходом, для которого «цепочка первых этажей гораздо важнее, чем вид вдоль проспекта. Его взгляд перебирает углы домов, открытые и закрытые двери, лесенки, крыльца, витрины, вывески <...> Весь этот предметный состав среды <...> начинает оттеснять здания на периферию восприятия» [Каганов 1983: 12].

В.В. Нуркова отмечает, что беспомощность обитателя ландшафта в описании топоса своей жизни, искаженность представлений о нем объясняется тем, что позиция Жителя вообще исключает фиксацию географических переживаний в памяти: «“Лучший способ забыть — это видеть каждый день”, — сказала Анна Ахматова. “Большое видится на расстоянии”, — вторит ей Сергей Есенин. Житель не гонится за воспоминаниями и поэтому феноменально не имеет их» [Нуркова 2006: 147]. Воспоминания о Зарядье — основной источник настоящего исследования — также возникают лишь тогда, когда жители района превращаются в *бывших* жителей и вместе с этим новым статусом осваивают новый *неповседневный* взгляд на пространство. Источником такого взгляда является позиция Ту-

риста, противопоставляемая позиции Жителя по признаку внешнее/внутреннее. Переход из повседневной реальности в неповседневную связан с устранением, превращением «своего» в «иное» [Вахштайн 2007: 7]. В нашем случае устранение проявляется непосредственно, в территориальном и временном дистанцировании от пространства, что позволяет посмотреть на него «со стороны» и «другими глазами».

Соб.: *А вообще, вот, интересоваться вот этими местами, Солянкой, Зарядьем... вы стали уже [после отъезда]? Как-то вот то, что вы уехали, это как-то повлияло на этот интерес?*

Инф.: *Это не то что, повлияло — это категорически повлияло! Это, вот, знаете, когда ходишь каждый день по одному и тому же месту, все примелькалось, все присмотрелось, вроде, все это твое, вроде ты здесь живешь, а вот когда ты уехал... А началось-то знаете, немножко даже раньше, началось тогда, когда я уехал на север, помните, я вам говорил?*

Соб.: *Да.*

Инф.: *И вот у меня дошло до такого маразма — тогда я еще все-таки молодой был: ну что там, тридцать там лет там, тридцать там с чем-то лет — до такой степени, что я себя ловил на том, что я сижу, беру лист бумаги и рисую: Солянку, Площадь Ногина, вот это вот, Красная площадь, Зарядье, все вот эти улицы... рисую, вырисовываю даже, какие... где какие домики... вот это вот... вот это тогда, видимо, началось у меня, то есть я начал тосковать... (ДГГ 32).*

Данное высказывание может служить наглядной иллюстрацией того, как «чувство причастности возникает в результате усилия от преодоления дистанции» [Нуркова 2006: 147]. По наблюдению В.В. Нурковой, необходимо дистанцироваться от географического объекта, чтобы вписать в него историю своей жизни. Житель не способен ухватить общий смысл обитаемого пространства, он редко приближается к «осмыслению будничного пространственного опыта» [Там же: 146–147].

Описанный выше неожиданный по форме способ освоения пространства посредством его воспроизведения на бумаге при ближайшем рассмотрении оказывается вполне естественным выражением позиции Туриста. В частности, показательно, что речь идет не о схематичном плане, а о подробной карте с «вырисовыванием» «домиков». Это внимание к отдельным зданиям заметно контрастирует с *не-замечанием* их жителями (см. выше) и конкретно — с прежним восприятием этого же места этим же человеком как нерасчлененного архитектурного един-

ства, где образы отдельных построек «смазывались в общей серости всех зданий» (ДГГ 34). Такой переход от одного визуального образа к другому указывает на усвоение отстраненного взгляда на пространство, неизменным атрибутом которого (взгляда) является *представление непрерывного дискретным* [Вахштайн 2007: 11]. Отстранение разрушает *сплошность* повседневного пространства [Каганов 1983: 11] и разделяет его на отдельные элементы, каждому из которых присваивается определенное значение — именно такое восприятие предстоит освоить жителям Зарядья после переезда в другие районы.

Заметим, что к этому подталкивает и само пространство, которое меняется столь радикально, что позволяет говорить о *появлении нового* ландшафта, обладающего иным обликом, статусом и значением: это уже не жилой район, а заповедная туристическая зона, историко-архитектурный комплекс. Новый, музейный, статус Зарядья отражается и на его функции: местные постройки все больше выступают в качестве знаков, сообщающих известное значение ландшафту, нежели в качестве церквей и домов. В этом смысле можно говорить об изменении семиотического статуса пространства [Байбурин 2004: 81–84].

Новое значение предписывает иной способ использования пространства: здесь уже не играют, не сушат белье и не жарят яичницу¹ — здесь не *живут*. Большинство находящихся в Зарядье — посторонние люди, которые приходят сюда на время, *специально* для того, чтобы... *осмотреть* достопримечательности. Именно *разглядывание* (и все другие способы визуальной фиксации — фотографирование, рисование, видеосъемка) становится основным предписанным видом деятельности на данной территории². Заметим, что полвека назад посторонние люди, напротив, избегали Зарядья — здесь было темно, грязно и небезопасно. Характерные высказывания принадлежат жителям домов на противоположной стороне улицы Разина, окна которых выходили в сторону Зарядья:

Там же оно было... Разруха там была! Там дом стали строить и бросили его. Там такая разруха... с т р а ш н о даже было! (СВН 5).

¹ Впрочем, Китайгородская стена и сейчас используется как «кулинарный локус»: уже более 10 лет внутри стены располагается ресторан с одноименным названием. В метафизическом краеведении (см., например: [Рахматуллин 2009]) таким совпадениям придается большое значение; в них видится проявление «памяти места». Нас же интересует гораздо менее мистический феномен места памяти. В данном случае он проявляется в дизайне ресторана: его пространство насыщено разнообразными атрибутами Средневековья, что полностью соответствует актуальному культурному смыслу местного ландшафта.

² Специфическое исключение составляют сотрудники местных учреждений, а также клир и прихожане церкви Георгия.

И вообще, почему-то та сторона, почему-то не привлекала. Что там было, вот, я не могу вспомнить? Даже до самой красной улицы слева [Китайгородский проезд], что-то нас туда не тянуло. Не потому, что там что-то..., а потому что там ничего не было интересного (СИП 6).

Каменный парапет на улице, ограждавший спуск в Зарядье, воспринимался как стена, за которой «ничего не существовало». Это пространство не включается в пределы личной повседневности и вытесняется из автобиографической памяти:

Там как-то было неуютно, понимаете... вот эта разломленная стена... <...> Я вот помню, что назначала свидание, да, напротив, там... моего окна... Посмотрела: пришел человек — выхожу. Вот эта стена..., а дальше для меня как будто бы ничего не существовало <...> Какое-то все серое и такое вот... неприятное и некомфортное (СИП 6).

Сегодняшнее Зарядье не позволяет усомниться в своем существовании благодаря прежде всего своим памятникам — ярким разноцветным постройкам необычной формы, неизменно привлекающим внимание прохожих. Теперь это *визуально насыщенное* место, каждый элемент которого представляет собой отдельное визуальное *событие*¹.

Новый визуальный статус Зарядья точно подмечен и акцентирован в статье известного москвовед Р. Рахматуллина, посвященной Варварке и Зарядью [Рахматуллин 2007]. При традиционном историко-архитектурном содержании этот текст отличается оригинальной формой: структура повествования задается не внешними характеристиками пространства, а логикой визуального восприятия. Памятники описываются не в порядке их уличного расположения, а по мере их попадания в поле зрения наблюдателя. Рассказ о Зарядье строится как последовательное описание «зрелищ» (так называются и главы статьи), открывающихся с четырех точек, расположенных — что характерно — на противоположной стороне улицы (позиция Туриста, как известно, предполагает отстранение). Очевидная историчность местного ландшафта проявляется в визуальной оценке его как «готовой кинонатуры» [Рахматуллин 2007: 67].

¹ Ориентируясь на концепцию фигуры и фона в гештальт-психологии, исследователи дизайна городской среды предлагают различать события и фон как составляющие визуальной картины пространства [Асс 1984: 77]. В связи с этим отмечается, например, тотальная фоновость новых городских районов, визуальная картина которых отличается недостатком событий. В этом смысле современное Зарядье, напротив, перенасыщенное визуальными событиями, очевидно, является примером «тотальной событийности».

В круг активных потребителей краеведческой литературы (в том числе упомянутого автора — БИФ 46) входят и бывшие жители Зарядья. Устойчивый интерес к истории этого района появляется у них, как уже упоминалось, после переезда отсюда, что объясняется двумя факторами: с одной стороны, его новым, историческим, обликом, а с другой — временной и пространственной дистанцией по отношению к нему. Сами информанты объясняют данный феномен по-разному: те, чья жизнь в Зарядье пришлась на детские и юношеские годы, сетуют на «молодость и глупость», а те, кто постарше, — на повседневные заботы:

Соб.: *А когда вы узнали про бояр Романовых? Сколько вам было тогда [лет]?*

Инф.: *Ну это, уже, когда мы отсюда уехали, по-моему, и когда, наверное, занялись, ну, во-первых, конечно, историей, когда начали изучать историю по-настоящему... (СВГ 7).*

Это я только потом стала интересоваться. Сююсть во все книжки сейчас: ну нигде ничего нет, ну нигде! Вот опять недавно купила книгу... Просто я выклеываю какие-то сведения о Зарядье, мне самой интересно. Ну... вот... была молодая и глупая, не знала ничего... (КАН 18).

Мы еще малы были, глупы: первый-второй класс (МНЗ 27).

Соб.: *Особенно вас это не интересовало [история]?*

Инф.: *Какой! Если у меня двое детей... и работаешь... Это вот сейчас бы я там все разузнала! (СВН 5).*

Подчеркнем, что речь идет не просто о пассивном интересе, а об активном целенаправленном поиске информации. Те же самые люди, которые когда-то легкомысленно лазили по боярским палатам, били окна в древнейших московских домах и играли в расшибалку монетами XVII в., теперь превратились в добросовестных любознательных туристов: ходят на выставки, читают краеведческую литературу, посещают экскурсии, познавая таким образом неактуальное прежде историческое пространство. Важнейшей фигурой в этом процессе становятся экскурсоводы, играющие роль проводников в этом *новом древнем* Зарядье. Именно они показывают древние здания и объясняют, откуда здесь подземные ходы:

Даже экскурсовод нам рассказывал как-то, еще в восьмидесятые годы, что это же царская родня — царь, не объявляя никому, что он выехал из Кремля, проходил по подземному переходу сюда к родным (СЮИ 14).

Инф.: *И он нас возил и рассказывал... мы ходили... И он, вот, обратил наше внимание... Вот, я помню с тех пор этот... — «Анны-на-углу».*

Соб.: *Это когда вы уже уехали из Зарядья?*

Инф.: *Да-да... (СВП 12).*

Здесь необходимо отметить два существенных момента. Во-первых, постижение исторического Зарядья бывшими жителями оказывается связано с изменением не только внешнего облика пространства, т.е. *наблюдаемого объекта*, но и позиции наблюдателя, т.е. *субъекта* — его социальной роли и модуса видения. Иначе говоря, только став туристами, они могут разглядеть то, что раньше было незаметно.

Во-вторых, парадоксальность ситуации, при которой местный житель нуждается в услугах проводника, как нельзя лучше иллюстрирует двойственный статус места по отношению к бывшим обитателям: это одновременно их и не их пространство.

С одной стороны, прежнего Зарядья уже не существует: *«Тут уже ничего не осталось от Зарядья, только церкви эти и все»* (МНЗ 27). В то же время для наших информантов это *место их прошлого*, чаще всего — детства и юности, поэтому с ним связаны важные эмоциональные переживания и воспоминания¹. Такое отношение бывших жителей к данному пространству во многом обусловлено тем, что оно несет на себе отпечаток их личной истории, составляет детский «феноменальный ландшафт» [Линч 1982: 162; Осорина 2007: 111]. Так, в одном из рассказов в роли такого «места автобиографической памяти» выступает балкон в Доме бояр Романовых:

Я помню, что я несколько раз стояла на этом балконе, потому что, вот, первое ощущение, что я не вижу ничего [того, что] внизу, потому что ребята там кричали нашим: «привет», а я видела только вперед <...> А потом я уже начала видеть вот эти вот ступеньки от большой стены. То есть, я уже подросла, значит, это было не в один год, стало быть (СЮИ 16).

В описанной ситуации балкон выполняет традиционную роль дверного косяка, на котором отмечается рост ребенка, а увеличивающийся со временем обзор отражает этапы взросления.

Такого рода сюжеты могут быть представлены как своеобразная форма символического присвоения места. Очевидно, ту же функцию выполняют указания на знаки личного присутствия на данной территории, на собственные «следы»:

¹ О функциях детских воспоминаний см.: [Педагогическая антропология 2001: 30–45].

А вот эти вот тополя — это Валера, мой соседка, посадил... Мальчик еще был... Маленькие деревца воткнул, ухаживал... Ну они красивые вначале были, стройные, а теперь видите, как разрослись (ПВВ 3).

Тополя, которые здесь Вы видите — это нами посажены... (СЮИ 14).

Претензии информантов на данное пространство подкрепляются еще и тем, что они не просто *бывшие*, но *последние* его жители, после которых здесь больше никто не жил. Следовательно, эта территория принадлежит им по праву последнего владельца. Подтверждением этого их статуса является, например, эксклюзивная локальная информация, сообщаемая во время интервью:

И самое главное — вы это, наверное, нигде не прочитаете и ни у кого не узнаете: там была городская свалка... Громадный был обвраг... Воннщи было... и прочая и прочая... ну... там была свалка! Кому скажи: на Красной площади — свалка! (ПВВ 3).

Вероятно, такая актуализация темы «локальной собственности» объясняется изменением ценностного статуса места. Неприглядное когда-то Зарядье стало сегодня культурной ценностью, национальным достоянием, туристическим объектом и наконец — предметом общественного внимания (особенно в последнее время в связи с разбором гостиницы «Россия»). Иным словами, для претендентов на право «владения» это место обернулось престижным ресурсом. Все это не могло не отразиться на их репрезентации данного пространства и, в частности, на образе места, конструируемом в ходе интервью.

Дело в том, что в сегодняшних условиях *историчность* Зарядья оказывается исключительно важной, поскольку именно она определяет символическую ценность этого места. Поэтому информанты всячески поддерживают и развивают тезис об исторической значимости и уникальности Зарядья:

Зашел я в этот, в Новую площадь, в Музей истории и реконструкции Москвы — батюшки, Зарядье наше! Псковский переулок наш, дом семь! И читаем: «Первые каменные дома, построенные в городе Москве для жителей. При Иване Грозном»... Так что имейте в виду... что снесли здесь! (ПВВ 3).

Ну а потом уже узнали, что здесь... кто здесь находился. Я вычитал где-то, что здесь даже Гришка Отрепьев был... Слышали, нет? Вот он здесь охранником был одно время... (ВДИ 9).

Ну вы, наверное, знаете, что Иван Грозный первый... всех евреев... начались все с Зарядья? Он их всех поселил в Зарядье... Сейчас же даже маршрут разработали... Все евреи, в Москве

которые были при Иване Грозном, начались все с Зарядья, все здесь они были... (ЗНК 4).

В этих фрагментах Зарядье предстает, во-первых, как *самый древний* район в Москве, а во-вторых, как место действия исторических фигур общероссийского масштаба. Иногда для «привязки» такого персонажа к Зарядью оказывается достаточно каких-то случайных, почти ассоциативных, деталей:

Инф.: Я считаю, что это связано, наверное, с... с Александром Невским...

Соб.: Почему?

Инф.: Потому что там битва, вот, была, на Псковщине, на этом, Чудском озере-то... Вот. Поэтому, наверное, это... в честь нее, может быть, даже и эта церковь построена... (МНЗ 286).

Таким образом, сегодня в сознании бывших жителей Зарядья (и, в частности, во время интервью) происходит то, что можно назвать *ретроспективной историзацией* пространства, запоздалым постфактическим конструированием исторического текста.

Этот текст вступает в очевидное противоречие с рассказами о жизни, в которых, как было показано, историчность места практически игнорируется. Такие противоречия позволяют выявить в исследуемых материалах два пласта информации: один — основанный на личных воспоминаниях и опыте, а второй — почерпнутый из книг, экскурсий и других позднейших источников. Эти разные «голоса» [Воронина, Утехин 2006: 233], с разной силой звучащие в воспоминаниях разных людей, рисуют два разных образа места. И различие их наиболее отчетливо проявляется в вопросе локальной идентичности.

Не имея возможности подробно останавливаться на указанной теме, отметим лишь основные моменты, имеющие отношение к рассматриваемой здесь проблеме. Собранный материал свидетельствует о том, что в середине XX в. локальная идентичность жителей Зарядья отличалась сложностью, иерархичностью и ситуативностью. В это время *Зарядье*, несомненно, является одним из группообразующих локусов (что проявляется, например, в распространенном выражении «зарядьевская шпана»), но отнюдь не главным и не единственным. Идентичность жителей этого района оказывается более узкой и одновременно более широкой. Так, в повседневных бытовых, игровых, хозяйственных практиках они чаще выступают в качестве жителей того или иного *двора* или *переулка*, противопоставляя себя и свой двор соседям. В других случаях своей и вполне

освоенной территорией считается отнюдь не только Зарядье, но и близлежащие районы — в первую очередь Солянка, Хитровка, Красная площадь и даже более отдаленные места, такие как Александровский сад и Котельники. Такая конфигурация локальной идентичности представлена преимущественно в нарративах, посвященных конкретным повседневным практикам. В более общих высказываниях, содержащих оценочные суждения и качественные характеристики, фигурирует единственная и стабильная идентификация — с Зарядьем как отдельным районом.

Как человек превращается из жителя конкретного двора в жителя Зарядья? Несомненно, большое значение имеет сама ситуация интервью, актуализирующая именно «зарядьевскую» идентичность. Тема исследования и вопросы интервьюера (значительная часть которых посвящена Зарядью вообще) формируют тот фильтр, с помощью которого информант производит отбор информации, и во многом определяют контуры будущего ответа [Садмен и др. 2003: 14, 67, 247–248]. Очевидно, в известной степени можно говорить о том, что собиратель, обращаясь к информанту как к жителю Зарядья, навязывает ему собственный дискурс и соответствующую идентичность. В то же время о полной конструируемости «зарядьевской» идентичности в ходе интервью говорить все же не приходится — это именно актуализация, т.е. активизация того, что *уже есть* в сознании. Представление о себе как о жителе Зарядья существует у информантов до и вне ситуации интервью — в известной степени оно является следствием изменения внешнего облика района.

Дело в том, что в результате глобального преобразования 1960-х гг. постройки между улицей Разина и Москвой-рекой (ранее разрозненные и разделенные не только другими зданиями, но и несколькими переулками) были объединены в один цельный архитектурный ансамбль. Благодаря этому данная территория стала восприниматься как единое пространство: на месте *множества* зарядьевских переулков и дворов возникло *одно-единственное* Зарядье. Таким образом, изменился не только архитектурный облик района, но и его статус в структуре города: прежний квартал со сложным внутренним устройством, включавший ряд более мелких относительно самостоятельных *мест*, стал первичным элементом городского ландшафта, одним единым *местом* (*локусом*).

Характерно, что именно таким Зарядье предстает в популярной краеведческой литературе начиная с 1970-х гг.; оно становится отдельной культурно-географической единицей, самостоятельным объектом исторического или архитектурного

описания вне зависимости от того, о какой исторической эпохе идет речь. Нередко понятие «Зарядье» проецируется и на ранний период, до появления самого топонима (XVI в.) — в этом случае применительно к описываемой территории может использоваться выражение «будущее/древнее Зарядье» [Казакевич 1977: 24–30]. Такой взгляд не различает внутрирайонные границы, и Зарядье предстает как гомогенное нерасчлененное пространство. Очевидно, что для бывших жителей района — читателей подобной краеведческой литературы — все это имеет совершенно определенные последствия: в новых условиях, при отсутствии прежней пространственной структуры, задававшей контуры (микро-)локальной идентичности низшего уровня, актуализируется локус следующего уровня — «районного». Иначе говоря, не имея возможности причислить себя к конкретному дворовому сообществу, прежние «*псковские*» и «*елецкие*» теперь все уверенней осознают себя «*зарядскими*», превращаясь из обитателей *этих мест* в бывших жителей *этого места*.

Итак, современному визуальному образу Зарядья отвечает именно «общезарядская» идентичность, поскольку она зиждется на восприятии района как единого целого, наделенного общим смыслом и представляющего собой непреходящую культурную ценность. Между тем такое восприятие Зарядья не может быть безоговорочно усвоено и принято бывшими жителями прежде всего потому, что оно полностью игнорирует их личный опыт освоения этого пространства. То *историческое Зарядье*, которое репрезентируется сегодня зрелищным архитектурным комплексом, не включает в себя советский период. Причем Зарядье XX в. отсутствует как в физическом, так и в символическом пространстве. Подтверждение этому находим у Р. Рахматуллина. Рассказывая об Английском дворе, он, в частности, отмечает, что эти палаты были обнаружены в основе позднего строения «и высвобождены искусством реставрации, как скульптурный образ высвобождается из глыбы камня» [Рахматуллин 2007: 59]. Использованная здесь скульптурная метафора весьма точна: ценность представляет лишь сам скульптурный образ (в данном случае — старинные палаты), тогда как все, что его окружает (соответственно — поздняя постройка) — не более чем шлак, от которого следует освобождаться. Та же лексика используется и информантами при описании архитектурных изменений в Зарядье:

Это уже потом, так сказать, все уже начали р а с ч и щ а т ь и обнаруживать, а так это были просто жилые дома и все (СВГ 8).

Сейчас же много о с в о б о д и л о с ь церковей в Зарядье... Вот сейчас тем более кое-какие... вообще снесли... дома, и они как-то оголились, церкви (ЖИЯ 36).

Противопоставление церквей как безусловной ценности «просто жилым домам» как объектам, не представляющим никакого интереса, довольно точно отражает музейную иерархию, проявляющуюся на уровне не только отдельных зданий, но и общей концепции. Высшее место в ней занимает образ средневекового Зарядья, привлекающий яркостью архитектурных форм и таинственностью подземелий, а 1930–1960-е гг. на этом фоне расцениваются как наименее ценный период местной истории, не оставивший ничего, что было бы достойно мемориализации.

В этой ситуации у бывших жителей возникает естественная потребность в ином образе места, таком, в который можно было бы вписать и свою личную историю. Осмысляя в актуальном контексте собственный опыт освоения пространства, они более или менее сознательно формируют контуры этого нового образа. Несомненным катализатором этого процесса является ситуация интервью. Здесь происходит кристаллизация и оформление разрозненных представлений в единое целое, формулируются и проговариваются основные положения, расставляются необходимые акценты. В речи информанта конструируется более или менее цельное представление, пусть не отшлифованное и во многом противоречивое, но уже внятно артикулированное:

Инф.: *Это был... можно сказать, коммуна была... Вот! Зарядье — это коммуна, знаете, это все было общее... это все было зарядское, мы были зарядские... Потому что в душе, конечно, мы... все остались здесь. <...>*

Соб.: *А что, на ваш взгляд, здесь стоило бы построить?*

Инф.: *<...> Я бы построил бы, конечно, в каком-нибудь таком чисто московском стиле.*

Соб.: *А что такое чисто московский стиль?*

Инф.: *Зарядский... чистый такой Зарядский стиль. А вы смотрите вот на эти церкви, вот на эти палаты... <...> ...ну, чтобы это московский такой уголок был, а не современный Париж! (ШВМ 19).*

Инф.: *Да нет, я бы не сказал, что в Москве есть другое такое место, как Зарядье. Оно уникально. <...> Да, мы — зарядские! вот в этом «мы — зарядские» заключено все: и что это самый древний район, самая-самая что ни на есть московская земля... Вот... Нас отсюда можно было переселить, но вытра-*

вить, как вы понимаете, раз я сижу с вами сегодня... вытравить всю память нельзя.

Соб.: *То есть своеобразная такая гордость...?*

Инф.: *Да-да-да, да-да-да! Это моя родина, да, это моя... моя родина!* (ШВМ 20).

Даже по приведенным отрывкам нельзя не заметить, что формируемый образ в значительной степени строится по модели исторического мифа, включая основные его составляющие [Шнирельман 1998]. Это и представление о *золотом веке* (под ним, очевидно, подразумеваются 1930–1960-е гг.), и образ *катастрофы* (уничтожение жилых домов и строительство гостиницы), за которой следует *утрата территории* (вопреки фактам, сообщаемым самими же информантами, переезд здесь предстает как насильственное выселение). На основе этого мифологического представления формируется позитивная локальная идентичность («мы — зарядские!») и таким образом конституируется локальное сообщество *жителей Зарядья*. Ценность *их места* определяется, с одной стороны, его уникальностью, а с другой — типичностью для московского пространства, в результате чего оно предстает как *самый московский* район Москвы. Кроме того, новый образ обладает очевидным интегрирующим потенциалом: он вмещает в себя как общенациональную память («самый древний район»), так и автобиографическую («это моя родина»). Отвечая, таким образом, основным психологическим и культурным потребностям бывших жителей, новое восприятие Зарядья имеет лишь один весьма существенный «недостаток»: оно не соответствует современному визуальному образу места. Имеющиеся памятники наделяют ландшафт иным смыслом, они «отсылают» к Средневековью, а не к недавнему прошлому. Лишь пустырь на месте бывшей гостиницы позволяет надеяться, что когда-нибудь здесь возникнет та архитектурная среда, которая будет репрезентировать альтернативное Зарядье.

Пока же можно лишь констатировать, что в общественном сознании этот образ района становится все более и более популярным. В современной краеведческой литературе описание Зарядья все чаще включает рассказ о недавнем периоде местной истории [Комарова 2007], а некоторые тексты посвящены ему целиком [Можаев, Михайлов 2007]. Еще большей популярностью пользуется Зарядье XX в. в Интернет-пространстве. Здесь на краеведческих сайтах (таких, как «Москва, которой нет» или «Москультпрог») и в ЖЖ-сообществах выкладываются фотографии 1920–1960-х гг., вызывающие многочисленные отклики. Статьи, фотографии и их обсуждения,

несомненно, способствуют утверждению и распространению описанного выше мифологизированного образа района. Показательным примером является, в частности, статья с характерным названием «Потерянный мир», где утраченное Зарядье, именуемое «Атлантидой», представляется как уголок *истинной* Москвы [Можаев, Михайлов 2007].

Сегодняшние разговоры о Зарядье во многом напоминают ситуацию двадцатилетней давности: так же, как и тогда, нынешние любители и специалисты-москвоведы внимательно разглядывают фотографии, увлеченно обсуждают детали местной истории, ругают советских градостроителей, сокрушаются об утраченном прошлом и беспокоятся о будущем района, наконец, сожалеют о невозможности оказаться «там». Между тем объектами их устремлений являются *разные Зарядья*: в одном случае это пространство средневекового города со старинными церквями и древними палатами, а в другом — уютный уголок старой Москвы с неблагоустроенным жильем, но с уникальной патриархальной атмосферой. Разница между ними заключается еще и в том, что если первое пространство визуализировано в конкретном архитектурном ландшафте, то второе — пока только в старых фотографиях да в образах памяти бывших жителей. Получат ли эти образы материальное воплощение — покажет время.

Сокращения

- ГИМ — Государственный исторический музей
 ВНИИТЭ — Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики
 ЦАЭиАДМ — Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов г. Москвы

Библиография

- Александров Ю.Н.* Москва заповедная. М.: Московская правда, 1991. 96 с.
Асс Е.В. Средовая типология и городской дизайн // Труды ВНИИТЭ. Серия «Техническая эстетика». Вып. 44. М.: ВНИИТЭ, 1984. С. 69–85.
Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–87.
Вахштайн В.С. Событийное строение повседневного мира. Исследование обыденного жеста // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 6–39.
Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память и блокада. Свидетельства очевидцев и историческое знание общества. М.: Новое издательство, 2006. С. 230–261.

- Каганов Г.З.* Пространственные образы городской среды // Труды ВНИИТЭ. Серия Техническая эстетика. Вып. 40. М.: ВНИИТЭ, 1983. С. 7–24.
- Казакевич И.И.* Московское Зарядье. М.: Искусство, 1977. 208 с.
- Комарова И.И.* Прогулки по Москве. М.: Игра слов. 2007. 368 с.
- Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- Можжаев А., Михайлов К.* Потерянный мир. Зарядье и Москворецкая улица // Московское наследие. 2007. № 3. С. 79–92.
- Нора П. и др.* Франция — память. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 328 с.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2007. 276 с.
- [*Педагогическая антропология*] Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мешеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: Издательство УРАО, 2001. 192 с.
- Пространство* России. Круглый стол // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 27–36.
- Рахматуллин Р.* Варварка, туда и обратно // Московское наследие. 2007. № 3. С. 51–77.
- Рахматуллин Р.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ: Олимп, 2009. 702 с.
- Садмен С., Бредберн Н., Шварц Н.* Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
- Садовникова Л.В., Курпьянов П.С.* Жить в центре: Московское Зарядье 1950-х гг. в памяти очевидцев // Полевая этнография—2005. СПб.: Левша Санкт-Петербург, 2006а. С. 296–301.
- Садовникова Л.В., Курпьянов П.С.* Воспоминания перед камерой. Визуальные методы в устноисторическом исследовании // Третий Московский международный фестиваль и конференция по визуальной антропологии «Камера-посредник»: сб. ст. М.: ТЕИС, 2006б. С. 49–65.
- Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 277–305.
- [*Форум*] Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 8–134.
- Шнирельман В.А.* Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 66–71.
- Barker L.M.* Learning Memory and Remembering History // Jeffrey J., Edwall G. (eds.) Memory and History. Essays on Recalling and Interpreting Experience. Lanham, Maryland: American University Press, 1994. P. 147–156.

Список информантов (в скобках указаны годы жизни в Зарядье):

- БИФ — Богдановская Ирина Федоровна, 1938 г.р. (1938–1962)
 БАВ — Божилина Антонина Васильевна, 1943 г.р. (1943–1964)
 ВДИ — Веденеев Дмитрий Иванович, 1930 г.р. (1930–1961)
 ДГГ — Деспельпорт Георгий Георгиевич, 1946 г.р. (1946–1979),
 Солянка
 ЖИЯ — Жукова Изабелла Яковлевна, 1939 г.р. (1939–1953)
 ЗНК — Зайцев Николай Кузьмич, 1937 г.р. (1937–1963)
 КДН — Коровкин Дмитрий Николаевич, 1935 г.р. (1935–1963)
 КАН — Крупская Алла Натановна, 1934 г.р. (1934–1957)
 МНЗ — Милявская Наталья Зиновьевна, 1935 г.р. (1943–1956)
 ПВВ — Поздняк Василий Владимирович, 1937 г.р. (1937–1963)
 СИП — Соколова Ирина Павловна, 1946 г.р. (1946–1963), Вар-
 варка
 СВП — Смирнова Валентина Павловна, 1929 г.р. (1929–1952)
 СВГ — Смирнова Валерия Геннадьевна, 1930 г.р. (1930–1961)
 СЮИ — Собенникова Юлия Ивановна, 1949 г.р. (1945–1961)
 СВН — Соколова Варвара Николаевна, 1919 г.р. (1939–1963),
 Варварка
 ФФА — Фоломеев Фома Андреевич, 1927 г.р. (1954–1956)
 ШВМ — Шаповалов Владимир Михайлович, 1943 г.р. (1943–1947;
 1949–1953)

Современное Зарядье — историко-архитектурный заповедник и колоритная натура для художников. Вид улицы Варварки в сторону Кремля. На заднем плане слева направо: церковь Св. Георгия на Псковской горке с колокольней, Собор и колокольня Знаменского монастыря, церковь Св. Максима Блаженного, Палаты бояр Романовых, купол Покровского собора, что на Рву, Спасская башня Московского Кремля. 2009 г. Фото П.С. Куприянова

Живые будни на фоне монументальной истории: в пространстве молодежной повседневности даже отреставрированный памятник старины вытесняется на периферию внимания. Церковь Зачатия Анны, что в Углу. Вид с южной террасы гостиницы «Россия» 1972 г. Фото А. Жиликова, ЦАЭиАДМ

Китайгородская стена, взгляд «изнутри»: дети, сарай, белье... Двор в Зарядье. 1925 г. Фото с сайта «Архнадзор»: <<http://www.archnadzor.ru/?p=486#more-486>>

Китайгородская стена, взгляд «снаружи»: ресторан, реклама, стрелец... Вход в ресторан «Китайгородская стена». 2008 г. Фото П.С. Куприянова

Во дворе «Дома бояр Романовых» дети появляются сегодня в качестве экскурсантов, организованными группами. Во дворе музея. На заднем плане справа — Палаты Романовых, слева — Братский корпус Знаменского монастыря. 2005 г. Фото П.С. Куприянова

Преобразование Зарядья: «расчистка» архитектурных памятников. Вид с улицы Варварки. Справа — здание церкви Св. Максима Блаженного, слева — колокольня Знаменского монастыря в лесах с пристроенным к ней жилым домом; на заднем плане — строящееся здание гостиницы «Россия». 1965 г. ЦАЭиАДМ